

ДУМСКИЕ ОТКЛИКИ.

(От нашего корреспондента).

Политика.

Теперь подводятся "итоги" думской и вице-думской политики.

В дверь стучатся новые хозяева и требуют отчета. Ничего не поддаешь — надо его дать.

Кругом партийное уныние.

Правые одержали победу.

Она выражается в том, что думская сессия разыграна в пустую: не будет ни одной реформы.

Вот что "сломало мост": кабинета Столыпина.

Все эти — усмешки и реформы — оказались тщем, что о них говорили заранее оппоненты: ловким маневром и самообманом.

Ничего не будет.

Я помню, с какими сожалением лицом П. А. Хомяков говорил мне еще такси недавно, что теперь-то настает пора "настоящей работы".

Вот она настала-то!

Это работа сих дель мастеров, которые морально свалили кабинет, разные, чтобы его свалил фактически.

А Дума?

Дума панически бросилась вправо, в лиф, конечно, центра и, точно спасаясь, топтала свои же заветные вожделения.

Говорят, что во время пожара благотворительного базара в Париже джентльмены топтали каблучками женщины, рвали глаза, лица. Надо спасаться.

Так и теперь.

Центр, еще такси недавно окраинный голосом из Москвы — центральный комитет октюбристов, где думской фракция измокомленно обдирилась поддержка Российской Федерации для привлечения внимание к отвественности.

Виду этого, комиссия высказалась за принятие запроса въ нежелательной редакции: 1) извещение министру внутренних дель вынесенные факты насилия и произвола со стороны наших новых полигий и попустительства со стороны стражников и приставов? 2) если извѣсты, то какіе меры принять министру для привлечения внимания къ отвественности?

Проковакія правых.

Выяснилось, каким образом октюбристами было принято решение внести свою собственную патриотическую формулу по запросу министру народного просвещения. Во время заседания Думы 21 апреля крайне правые изъзвѣстили октюбристов о своем намѣрении внести изменения въ законопроектъ о насилии и попустительстве со стороны стражников и приставов? 2) если извѣсты, то какіе меры принять министру для привлечения внимания къ отвественности?

Центъ, еще такси недавно окраинный голосом из Москвы — центральный комитет октюбристов, где думской фракция измокомленно обдирилась поддержка Российской Федерации для привлечения внимание къ отвественности.

Одни, напр., кн. Голицынъ, Мейendorff, называли это предложение правокоролевской выходкой и требовали ея отклонения; другие, более умные, находили неудобнымъ въ такой острый моментъ, какъ сейчасъ переживаемъ страна, не отбѣтать на такие вопросы, испытуя свое отношение къ нимъ, и предлагали внести свою собственную формулу, которая указывала бы на необходимость воспитанія юношества въ превращеніи религии и отечеству. Министръ последнихъ восторжествовалъ, и фон-Анрепу было поручено прочесть съ трону октюбристское пожеланіе, т. е., видимѣнное пожеланіе правыхъ. Большинство октюбристовъ удручило этой историей и называло пожеланіе правыхъ провокаторствомъ. Одобрение изъ устъ Маркова изъ формулы и нынѣшнимъ мнѣніемъ казаковъ тѣхъже испытываютъ. Крайне правые, какъ слышали, "Ранн. Утро", откровенно признаются, что выходка съ патриотической формулой была заранѣе подстроена, съ целью подвести октюбристовъ и затянуть ихъ въ свои ряды.

Выходка Маркова 2-го.

На дняхъ, въ кулуарахъ произошла необычная сцена: Въ первый разъ за все время существования 3-й Думы Марковъ 2-й, разсказываетъ, "Ранн. Утро", подошелъ къ группѣ бѣдоводавшихъ между собой полковиковъ:

— Послушайте — сказалъ онъ имъ, — ваши лица намъ надобны, образуйте себѣ собственное кружество, устройте себѣ свою собственный парламентъ и сидите тамъ, но у насъ не покажайтесь.

— Благодаримъ васъ за разрѣшеніе, какъ вы намъ называете, но не укажете ли путь и способъ, какъ это достичь?

— Выбрайте и пишите сами способы; могу лишь добавить, что автономія отъ насъ вы не получите, потому что мы не хотимъ давать вамъ ее, чтобы не было поводъ другимъ!

Центръ и законъ о неприкосновенности личности.

Въ своемъ заседаніи 22-го апреля фракція союза 17-го октября постановила не ставить на избѣжку въ эту сессію законопроектъ о реформѣ мѣстнаго суда, о неприкосновенности личности и исключительномъ положеніи.

Кн. А. Д. Голицынъ, объясняя сопротиву "Бирж. Вѣд.", причину отсрочекъ, между прочими, сказавъ:

— Законопроектъ въ томъ видѣ, въ какомъ рисуетъ его докладъ комиссіи, смущаетъ насъ. Сама фамилия докладчика (Замысловскій) подчеркиваетъ содеряженіе его труда. Нельзя забыть того, что партия, къ которой онъ принадлежитъ, отрицаѣтъ значение манифеста 17-го октября и идеалами ея являются слова девиза: Никакихъ новинствъ — сохраненіе старого режима.

Эти опушченія мои еще болѣе усилились, когда я подошелъ къ существу доклада. Вѣдь, наши старые основные законы тоже знали неприкосновенность личности, но цѣлый рядъ добавочныхъ положеній аннулировалъ эту неприкосновенность. Поэтому, казалось бы, первой задачей нового закона было бы уничтожить всѣ тѣ изъятія, которыхъ доказывали комиссіи, а также самое изъятіе.

Начальникъ Володимировъ.

Онъ предложилъ, чтобы въ формулы было потребовано отъ министерства насытить въ школѣ патріотизмъ и начальную го сударственность.

Казалось бы, требование, могущее встѣтить сопротиву всей палаты, напримеръ, въ Германии; но у насъ?

У насъ успѣли такъ затескать патріотизмъ, что за него невозможно подать голосъ безъ агаверса.

И вотъ вся оппозиція, съ премьеромъ и министромъ, выразила протестъ противъ этой поправки. Среди октюбристовъ съягнѣ.

Капустинъ, Волконский, Мейendorff говорили противъ поправки.

Съ ними еще три дѣятеля октюбристовъ, чтобы спасти замѣнѣніе неприменимо.

Оно находилось среди октюбристского большинства, и скоро къ нему приступилъ членъ руки Володимитъ.

Но этимъ не все еще окончилось.

Марковъ, окрытенный успехомъ, попытѣлъ рѣчь о материалахъ, еще болѣе важныхъ.

Говорить онъ и о немецкомъ школьнѣмъ учителѣ, который разгромилъ французовъ, повторяя любимую поговорку Вильгельма II, сказанную послѣднимъ въ эпохѣ упомянутой выше изъясненіи.

И, требуя отъ школы воспитанія въ духѣ чести и, требуя отъ отчизны къ воинскому званію, къ освѣщенію бывшемъ современной школѣ уланъ.

Но этимъ не ограничилось.

Марковъ, съ какими сожалѣніями лицомъ П. А. Хомяковъ говорилъ мнѣ еще такси недавно, что теперь-то настаетъ пора "настоящей работы".

Уже готова почетная формула капитуляціи октюбристовъ, какъ крестьяне обидѣлись.

Выдалъ Марковъ свой же, крестьянинъ Гулькинъ:

— Крестьянамъ не нужно вспугивать патріотизмъ, а вамъ нужно, — говорить онъ, почему-то обращаясь къ оппозиціи.

Но подошли октюбристы, чтобы пригласить приглашеннаго губернатора изъ Польши и др.

П. А. Столыпинъ до сихъ поръ не принималъ поклоновъ ни отъ кого изъ членовъ мѣста, въ дѣлѣ и не назначалъ имъ изъ ближайшіе дни приема, хотя цѣлый рядъ срочныхъ проектовъ (зодчественіе Цезаревбурга, городское положеніе изъ П. Польскомъ и др.) давно уже ожидали приѣзда премьера.

Но распечатывать письма Столыпинъ не сталъ, несмотря на то, что онъ уже сидѣлъ въ креслѣ.

П. А. Столыпинъ былъ принятъ однажды изъ высокопоставленныхъ членовъ Гос. Совета, съ которыми премьеръ очень увѣренно говорилъ о дальнѣйшемъ направлении цѣлого ряда серьезныхъ законопроектовъ по мѣстамъ и въ дѣлахъ и другимъ вѣдомствамъ.

Снова появился въ обращеніи и имени наимѣнѣе выстроенныхъ замѣтителей Столыпинъ.

Съ ними еще три дѣятеля октюбристовъ, чтобы спасти замѣнѣніе неприменимо.

Оно находилось среди октюбристского большинства, и скоро къ нему приступилъ членъ руки Володимитъ.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образомъ, о его роли въ заговорѣ, стѣнографии послѣднѣй дѣлѣ для губернатора изъ Польши и др.

Но этимъ не ограничилось.

Много говорили и о Рѣтѣ, главныхъ образом

Изъ мира литературы и искусства.

Новый рассказ Леонида Андреева.

Новый рассказ Леонида Андреева, который будет начертан в IX альманахе "Шиловника," называется "Сын членовческой." Это — небольшая вещь — всего 30 страницек. Читается рассказ, как передает "Речь" с интересом, хотя тема его несколько запутана.

Центральная фигура в рассказе о. Ивана Боголюбенского, 60 лет его жизни казались ему коридором: "На коридоре была похожа его жизнь, на длинный коридор, в котором множество глухих дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то, и хоронят членовческую." В жизни своей о. Ивана все больше и больше отдалася от людей, ему показалось, что, вспомнивши его были не та, какую надо, и все слова его были не та, каких надо. Поэтому он озабочился и, побуждаемый злобой, которая была внутри его, чучелила. Такая, на старости быть она ведущим именем своего фамилии, не имела быть с той, возможностью обосновать это свое желание. Но зато она удивила всех окружающих, начальство, вспомнивши двери. Потому о. Боголюбенский зевел граммофон, выслушав исключительно скользкую музыку и рассказы из еврейского быта. Игра обновленно началася почтой, приемом о. Ивана приучала к граммофону щенка. Щенок спасала лампа на граммофоне, потому старалася заглянуть в трубу, находясь в страхе из-за страха прятаться под мебель. Кончились сумасшествием щенка, который стал подозрительно относиться к каждому предмету, стоявшему молча. "При всяком голосе щенок, разыгрывавший голову не из членов, а позади него," — говорить автор, — у него явилось времена желания разбраться в странной пугающей жизни, или умилостивить ее по-користью..." Весной, во время разлива, щенок утонул. Новые щенки относились к граммофону довольно равнодушно, и только один оказался совсем уж "плохим": "из самых сильных щенков он задирал заднюю лапу и яростно, но по-детски чесал себя за ухом." И такое чувство было у о. Ивана, будто разбил он единственное зеркало и не во что теперь ему легло. Зато товарищ Боголюбенского, о. Эразм Гумилевский, казалось о. Ивану, "хоть-хоть... поднимет ногу в тихом оконном салоне и почнет себя за ухом." И утешать пока только дыхонь, который обожал примики к желанию и интересовался вопросом: "может ли граммофон и... под о. Иваном, и... под него?" т. е. дыхонь, и "под невинного младенца," и, под светлого угодника" рядом таких вопросов дыхонь вместе с о. Иваном подошли к мысли, которую высказала одна из щенков: "и одновременно представлялась им укасанная возможность: как из никелированной трубы звать кого-то иконостаса" голосом "Бога Спасителя". И тут же слова говорят голосом, который не может, не смыть, не должен человека, как в час смерти, пред схваткой смерти и душой окрыденной." "Вот страшнейшая из жизни," дыхонь едва не пострадал, не участвовать, что и первого щенка. После граммофона такое же ошеломляющее действие на о. Ивана и дыхонь произвело, как это странно, указ на выворотничности. "Как же это края, когда ее мять можно, что же это такое, граммофон что ли?" А о. Иван, "всматриваясь в дыхонь, посыпал в Симоне заявление, что, по требованию совета своей и на основании указа, отъ желаюте перейти в магометанство." Прошелось краине искрено, съехались пошли к о. Ивану, дѣти прѣхали, жена ходила, какая потерянная, народ собирался глазеть в окна о. Ивана. Все это злило и возбуждало его ненависть. Въ минуту злобы онъ прохлопал старшаго сына — священника, который собрался, вѣрзумпать "отца. На вонъ дыхонь... о. Иванъ, отъ Ивана, пошли всѣ на сыновъ человѣческихъ" — онъ отвѣчалъ: "Я самъ сынъ человѣческий." И тут дыхонь приходилъ къ выводу, что "всю матется искъ земнородный."

СПОРТЪ.

Циркъ Муссари.

Боролись 4 пары.

- 1) Пылаковъ побѣдилъ Чапскаго въ 2 минуты приемомъ, "раздвинувшимъ most";
- 2) Калашниковъ побѣдилъ Хаусера въ 14 мин. приемомъ, "брасъ гошъ раг теге";
- 3) "Черная маска" (мѣстный любитель) побѣдилъ Натансона въ 11 мин. приемомъ, "двойной брасъ гошъ";
- 4) "Голубая маска" побѣдилъ Кристенсена въ 6 мин. приемомъ, "брасъ гошъ, стомъ".

По Россіи.

КІЕВЪ.

(Отъ нашего корреспондента.)

Бывшій начальникъ кіевской смѣской полиціи Аслановъ и его "сотрудники" бывшій сыскной агентъ Зелло, арестованы 26-го апреля 1908 года, еще до сихъ поръ находятся въ отдельныхъ камерахъ "сокого каморника", предназначенного для наиболѣе важныхъ преступниковъ.

Предполагалось раньше помѣстить ихъ въ тюрьму, но здесь опасались, что уго-

ловные могутъ учинить надъ ними самосудъ.

Судьство по дѣлу Асланова тянулось около года.

Теперь оно закончено.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Центральная фигура въ рассказѣ о. Ивана Боголюбенского, 60 летъ его жизни казались ему коридоромъ: "На коридорѣ была похожа его жизнь, на длинный коридоръ, въ которомъ множество глухихъ дверей: впереди открывается, а сзади захлопывается что-то, и хоронят членовческую." Въ жизни своей о. Иванъ все больше и дальше отдалася отъ людей, ему показалось, что, вѣстушки его были не та, какую надо, и все слова его были не та, какихъ надо. Поэтому онъ озабочился и, побуждаемый злобой, которая была внутри его, чучелила. Такъ, на старости быть онъ ведущимъ именемъ своего фамилии, не имѣть съ тѣмъ, возможно, обосновать это свое желание. Но зато онъ удивилъ всѣхъ окружающихъ, начальство, вспомнивши двери. Потому о. Боголюбенский зевел граммофонъ, выслушав исключительно скользкую музыку и рассказы изъ еврейского быта. Игра обновленно началася почтой, приемомъ о. Ивана приучала къ граммофону щенка. Щенокъ спасала лампа на граммофоне, потому старалася заглянуть въ трубу, находясь въ страхе изъ-за страха прятаться подъ мебель. Кончились сумасшествиемъ щенка, который сталъ подозрительно относиться къ каждому предмету, стоявшему молча. "При всякомъ голосе щенокъ, разыгрывавший голову не изъ членовъ, а позади него," — говорить авторъ, — у него явилось времена желания разбраться въ странной пугающей жизни, или умилостивить ее по-користью..." Весной, во время разлива, щенокъ утонулъ. Новые щенки относились къ граммофону довольно равнодушно, и только одинъ оказался совсемъ уж "плохимъ": "изъ самыхъ сильныхъ щенковъ онъ задиралъ заднюю лапу и яростно, но по-детски чесалъ себя за ухомъ." И такое чувство было у о. Ивана, будто разбилъ онъ единственное зеркало и не во что теперь ему легло. Зато товарищ Боголюбенского, о. Эразм Гумилевский, казалось о. Ивану, "хоть-хоть... подниметъ ногу въ тихомъ оконномъ салонѣ и почнетъ себя за ухомъ." И утешать пока только дыхонь, который обожалъ примики къ желанию и интересовался вопросомъ: "можетъ ли граммофонъ и... подъ о. Иваномъ, и... подъ него?" т. е. дыхонь, и "подъ невинного младенца," и, подъ светлого угодника" рядомъ такихъ вопросовъ дыхонь вместе съ о. Иваномъ подошли къ мысли, которую высказала одна изъ щенковъ: "и одновременно представлялась имъ укасанная возможность: какъ изъ никелированной трубы звать кого-то иконостаса" голосомъ "Бога Спасителя". И тут же слова говорятъ голосомъ, который не можетъ, не смыть, не долженъ человека, какъ въ часъ смерти, предъ схваткой смерти и душой окрыденной." "Вотъ страшнейшая изъ жизни," дыхонь едва не пострадалъ, не участвовать, что и первого щенка. После граммофона такое же ошеломляющее действие на о. Ивана и дыхонь произвело, какъ это странно, указъ на выворотничности. "Какъ же это края, когда ее мять можно, что же это такое, граммофонъ что ли?" А о. Иванъ, "всматриваясь въ дыхонь, посыпалъ въ Симоне заявление, что, по требованию совета своей и на основании указа, отъ желаюте перейти въ магометанство." Прошелось краине искрено, съехались пошли къ о. Ивану, дѣти прѣхали, жена ходила, какая потерянная, народ собирался глазеть въ окна о. Ивана. Все это злило и возбуждало его ненависть. Въ минуту злобы онъ прохлопал старшаго сына — священника, который собрался, вѣрзумпать "отца. На вонъ дыхонь... о. Иванъ, отъ Ивана, пошли всѣ на сыновъ человѣческихъ" — онъ отвѣчалъ: "Я самъ сынъ человѣческий." И тут дыхонь приходилъ къ выводу, что "всю матется искъ земнородный."

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ, какъ передаетъ "Речь" съ интересомъ, хотя тема его вѣско запутана.

Первый томъ посвященъ выяснению ложныхъ показаний, данныхъ Аслановымъ и Зелло подъ присягой по дѣлу "сокорлы" Целендорфа.

Слѣдственный материалъ обнимаетъ 5 объемистыхъ томовъ, составленныхъ въ всего 30 страницекъ. Читается рассказ,

